

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЯМИ

Арутюн Акопян, народный артист СССР:

ЧУДЕСА НАПРОКАТ

ПИСЬМО было интригующим. Некто, живущий в крымском поселке Елизаветово, предлагал свои услуги. Но как!

«Для меня не существует неразгаданных фокусов. Большинство из них ясны мне уже во время сеанса. Так вот, не хотите ли...»

Честное слово, душа не могла не встрепетать — речь, оказывается, шла об иллюзионном номере, который на протяжении десятилетий тщательно пытались расшифровать многие признанные мастера жанра. Вообразите: сцена, экран, сноп луча на нем. Кино? Да. В кадре — беседующие Он и Она. Разговор, очевидно, вокруг нежных чувств, ведь дама взволнованна, ей душно, она обмахивается платочком. А тот вдруг падает. На сцену перед экраном, став совершенно материальным. Что же делает кавалер? Естественно, «выходит» из полотна, превратившись в реального мужчину. Поднимает платок и вновь возвращается на экран.

Не правда ли, чудеса? И чудесно, что нашелся такой человек, вроде бы сумевший проникнуть в технологическую тайну превращений, придуманных некогда известным американским иллюзионистом. Намеренно подчеркиваю: вроде бы, — надежду питало сообщение автора письма, что у него несколько изобретений. Следовательно, все может быть. Как не вспомнить тут к случаю: знаменитый иллюзионист Этьен Гаспар Робертсон пришел в искусство магии именно такой же тропой — с несколькими открытиями в области оптики, изобрел парашют, первым познакомил французских ученых с гальванизмом, совершил 59 свободных полетов на воздушном шаре... Неужто и здесь нечто похожее?

Я не воспользовался, а точнее, не заинтересовался предложением. Впрочем, не только я. Судя по письму, житель поселка Елизаветово обращался и к другому, весьма талантливому артисту эстрады. Фамилия, полагаю, не обязательна, однако уверен — и мой коллега читал адресованные ему строки:

«Вы приобретаете фокус с правом полного владения. Это будет ваша собственная придумка. Не приобрели!»

Ведь как заманчиво, как на первый взгляд благоприятно: показать новый номер-совершенство зрителю и тем порадовать его. Но можно ли представить писателя, выдающего чью-то рукопись за свой роман? Художника, начертавшего свое имя на чужой картине? Режиссера, покупающего готовый фильм и демонстрирующего ленту как итог личного творчества?

Нет, нет и нет! На то оно и творчество, чтобы все самому: и мысли свои, и образы, и фантазия... Лишь тогда оно и ценимо издавна, и магия не исключение. В Древней Греции, например, воздвигли памятники трем удивительным фокусникам: Евклиду, Феодосию Деофиту и Кратитему, и один из памятников стоял в театре Афин рядом со статуей великого Эсхила.

Между тем письма, подобные процитированному мною, идут. Вот и другое, из Армавира. Валерий П., рекомендуя себя сочинителем трюков и книг по практической магии, готов уступить мне любое количество из трех тысяч (!) его фокусов. И еще одно аналогичное письмо, и еще, еще...

Конечно, никто из серьезных, уважающих себя артистов, знаю, на такие призывы даже не отвечает. Однако и само появление их заслуживает внимательного анализа. А начать, вероятно, следует с констатации факта: и у нас в стране, и за рубежом мастера иллюзионного жанра пользуются огромной популярностью. Вот и сам я, как никто из зрителей понимающий, что никакой тайной, неведомой силы в различных превращениях, исчезновениях и возникновении предметов не было и нет, всегда с восторгом смотрю в цирке иллюзионные представления. Чем же объяснить это? По-моему, иллюзионное искусство в образной форме выражает способность человека совершать действия, выходящие за рамки привычного, и властвовать над законами природы.

ЭСТРАДА — самый массовый после кино вид искусства. Говоря так, имею в виду не привязанности и симпатии публики. Более того, совсем наоборот — исполнительский состав. Замечали ли вы: на эстраде ныне наблюдается повальное увлечение фокусами. Объяснение просто: издаваемые массовыми тиражами книги приобщают к их секретам неисчислимое множество людей. Сужу о том и по кипе полученных писем. «Прошу помочь мне стать артистом эстрады, иллюзионистом-манипулятором» — это от А. Гореликова из Ельца. «Я инженер-электрик, хочу научиться делать фокусы», — Я. Сидгяев из Баку. «Очень трудно дается трюк с переводом карты, подскажите», — настаивает И. Земляис из Шяуляя. И т. д. и т. п.

Инженеры и библиотекари, медики и педагоги, школьники и студенты хотят научиться чудесам, чтобы на досуге развлекать гостей, друзей. И ничего тут предосудительного. Скорее, стремление похвальное, и надо от души пожелать всем им успеха в задуманном. И самим задуматься, скажем, над фразой «Прошу помочь мне стать

артистом эстрады». И над впечатляющей цифрой: в нашей стране ориентировочно 3.600 иллюзионистов.

Слышу вопрос-недоумение: ну и что? При бесчестности фокусников-любителей это естественно — лучшие вливаются в ряды профессионалов.

Вроде бы логически верный посыл. И сам я в прошлом инженер-землеустроитель, участник художественной самодеятельности, поступивший позже в «Мосгосэстраду». Потому-то, получив письмо-просьбу поделиться тем или иным фокусом с увлеченными юношами из школьного или клубного кружка, я не медлю с ответом и советами. Но вот «помочь стать артистом эстрады»...

Как-то завязалась переписка с одним из зрителей, решившим брать у меня заочные уроки. Завязалась и оборвалась, поскольку я сразу же спросил, занимается ли он по утрам гимнастикой, умеет ли танцевать, доводилось ли играть в спектаклях Дворца культуры, в состоянии ли он пробежать десять километров, склонен ли к конструированию, музыкален ли, какие ассоциации рождает в нем чтение сказок, смешлив ли по характеру, может ли рисовать? Перечень вопросов был длинен, и не из праздного любопытства — ответы на них высвечивают свойства и качества, необходимые актеру нашей профессии. Мой корреспондент был краток в своем втором и последнем послании: «Извините, но я полагал, что достаточно обзавестись реквизитом фокусов из книг».

Если бы! Порою недостаточно и придумать трюк. Например, кажущийся элементарно легким номер с картами требует каждодневной четырехчасовой тренировки. Десять колод взлетают в воздух с интервалом в пятнадцать секунд и рассыпаются по полу. Только собрать их, очистить от пыли, сложить, чтобы затем все начать сначала, — труд утомительный, и физически не всякий вытерпит.

(Любопытно, но, как признался Рубен Николаевич Симонов, поставивший мой первый на эстраде номер «Отелло», прежде чем решиться на работу с Арутюном Акопяном, он выяснил, умеет ли тот... и далее следовали примерно те же вопросы, что заданы мною заочному абитуриенту).

И тем не менее при логически верном послании одолевают раздумья: а не стал ли мнимо доступным наш жанр? Мне встречались иллюционисты — бывшие акробаты, бывшие артисты балета, которые, выйдя на пенсию, переквалифицировались, поскольку — и это можно понять! — не могли расстаться со сценой. А иллюзия — жанр без возраста. И переквалификация как будто не отличается особой сложностью — надо обрести определенные навыки, скопировать, положим, Кио, спародировать еще кого-нибудь, и все в порядке.

Увы, удачи редки в создавшейся ситуации. Да и можно ли их ждать? Можно ли ждать симфонии от человека, имеющего весьма смутные представления о нотной грамоте, но вознамерившегося извести о себе как о композиторе? Можно ли пригласить прохожего в театр, поручить ему главную роль в готовящемся спектакле, предупредив: «Мы ждем от вас подлинного искусства. Потрясите же нас проникновенным перевоплощением!»

Согласен, в истории нашего цеха нечто похожее имело место. Превосходный часовщик Жан Робер Гуден однажды отремонтировал часы известному итальянскому иллюзионисту Торрини, и тот в благодарность приобрел способного юношу к своему делу. И фантазия Гудена разгулялась! Не поддается даже приблизительному

учету и перечислению количество трюков, изобретенных им. На глазах у зрителей он заполнял землей большую кадку, клал туда апельсиновое зернышко и поливал. Вскоре появлялась зелень, затем кустик. Кустик рос, покрывался цветами и, наконец, на дереве возникали настоящие плоды. Гуден тут же срезал их и раздавал присутствующим. Последний апельсин, очевидно, искусственный, Жан Робер рассекал на четыре части, и оттуда вылетали, порхая над сценой, механические бабочки.

Трюк этот до сих пор не разгадан, как не повторены и сконструированные Гуденом автоматические фигуры. Одна из них изображала маркиза, с пером в руке сидящего за столом. Любопытный из зала задавал «маркизу» тему рисунка. Фигура окунала перо в чернила и принималась за работу. Время от времени она откидывалась на спинку кресла, то ли любуясь, то ли оценивая: ладно ли получается? Очевидцы свидетельствовали: рисунки прародителя нынешних роботов поражали художественной законченностью. А знаменитый «маркиз» еще и писал, обладая почти каллиграфическим почерком!

Итак, часовщик, перешедший в артисты. Я рассказал о нем не просто к стати. Он не заимствовал чужие трюки. Он изобретал собственные. Гуден первым расстался с широкими халатами «факиров» и задрапированными столами своих собратьев. Веселый, остроумный, элегантный, он ни на кого не был похож. Он был оригинален.

ВОТ в чем суть — не заимствовать, не повторять, потому что копия, пусть филигранная, всегда хуже. Но, говоря откровенно, куда как часты и заимствования, и повторения. Огорчительно тут не только интеллектуальное иждивенчество: кто-то потратил годы на создание номера, а другой, не мучаясь совестью и пренебрегая этикой, подхватывает готовенькое. Огорчительно не только это, хотя закономерно спросить, почему не распространено на наш цех авторское право, не защищает творчество его представителей? Ведь трюк — тоже произведение.

Иждивенчество обедняет жанр, сковывает его в развитии. Когда бы каждый, причисляющий себя к иллюзионистам и манипуляторам, приносил на манеж и эстраду только свое, уникальное, как выиграло бы искусство! Представляете, 3.600 индивидуальностей, и у каждого единственный в своем роде репертуар!

Пока же... Мне думается, именно от того, что разные артисты преподносят зрителю один и тот же набор трюков, и возникают письма-предложения: «Я придумал, вы у меня приобретите и владейте». Находимые и явно не бесталанные люди быстро обнаруживают дефицит и стремятся отнюдь не бескорыстно восполнить его. Осуждать ли их? Не знаю. Но вот другая сторона медали: предложение не существует, как правило, без спроса. Значит, кто-то... Как тогда согласуется это с достоинством артиста, его честью, профессиональной гордостью, наконец? Не происходит ли уподобление механической кукле Жана Робера Гудена: на сцене действовала она, а аплодисменты зала по справедливости предназначались ее создателю, ее автору. Не горько ли жить, сознавая точность такого сравнения?

Сотворить уникальный номер с оригинальным сюжетом, конечно, сложно. Сложно и найти себя в этом непростом жанре. И тем не менее... С интересом слежу за питомцами замечательных режиссеров Сергея Каштеляна и Михаила Харитоновых. Вскоре после окончания учебного курса они, как правило, занимают достойные места на советской эстраде, продолжая и умножая традиции нашей иллюзионной школы. Радуюсь победам молодых советских иллюзионистов на международных конкурсах, где они заслуженно завоевывают первые премии при постоянно повышающихся требованиях. И знаете, о чем говорю мы, члены жюри таких конкурсов, подводя итоги смотра?

О том, что с годами меняется уровень мировой техники, появляются новые материалы и способы их обработки. Иллюзионные эффекты, давно известные специалистам, становятся возможным осуществить новыми техническими средствами. Но какой бы ни была совершенной техника иллюзиона на сцене, она остается всего лишь реквизитом артиста, а главенствует по-прежнему мастерство, выводящее зрителя за пределы устоявшегося круга явлений будничности, укрепляющее чувство всемогущества человека.

Потому и любим, и популярен наш жанр. Жанр с необъятным простором для полета фантазии. Жанр, для которого вот уже много лет я мечтаю создать настоящий Театр чудес, где будут идти только иллюзионные представления, спектакли и для детей, и для взрослых, где будут царить музыка, свет и волшебство. А почему бы и не быть ему?

В Театре чудес не могут быть чудеса напрокат. Ведь тогда они уже не чудеса.

● Народный артист СССР А. Акопян.

Фото В. Завьялова (ТАСС).